

Глава 15.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Г.МАРКУЗЕ И Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

А.В. Лесевицкий

Пермский финансово-экономическом колледж
г. Пермь, Россия

В статье рассматриваются философские параллели творчества Г.Маркузе и Ф.М. Достоевского. Значительно раньше основных представителей Франкфуртской школы русский писатель выразил в своих произведениях идеологию «великого отказа», а также методологию освобождения человека будущих эпох от всевозможных диктанных форм Системы.

Ключевые слова: великий отказ, репрессивная система, манипуляция сознанием, свобода.

Именно рабство гражданского общества по своей видимости есть величайшая свобода, потому что оно кажется завершенной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т.д., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершенное рабство и полную противоположность человечности.

К.Маркс

История человечества есть грандиозный процесс освобождения личности от всех оков и цепей. В качестве идеальной феноменологической сущности человека будущего может являться его максимальная свобода, потенциальная возможность развития всех созидательных сил. Сегодня мы должны констатировать, что личность будущего уже наделена грандиозной потенцией полного освобождения, данный неолиберальный процесс многомерен: он разворачивается в политическом макрокосме, в мире современного

неклассического искусства и межличностных отношений, в макрокосме производительных сил и образования.

Является ли человек позднесовременного общества воплощением всего либерального, либо подлинно свободная личность может возникнуть лишь в будущем, несмотря на полную дискредитацию тоталитаризма в разных его диктатных формах? Нужно ли освобождать свободного? Является ли современный человек «сублимированным рабом»?

В истории философии образ человека будущего как личность, шагнувшую из царства необходимости в светлое царство свободы, рассматривали многие крупные мыслители. Сосредоточим наше внимание на идеях Ф.Достоевского и Г.Маркузе, всесторонне исследующих скрытую феноменологию освобождения. Если русский писатель только предостерегал человечество о возникновении сублимированных форм рабства, то Г.Маркузе подробно описал данные формы несвободы. Таким образом, только человек будущего в политической философии немецкого и русского мыслителей может быть свободен, в настоящем, несмотря на всевозможные метафизические «революции освобождения», которые затронули разные сегменты социокультурного пространства, он является «сублимированным рабом».

Общеизвестно, что Г.Маркузе был ассистентом одного из основоположников немецкого экзистенциализма – М.Хайдеггера, который пережил период интенсивного чтения Достоевского в 1910-1920 годах. В философских работах Г.Маркузе нет ссылок на произведения русского писателя, но улавливаются поразительные параллели в оценке репрессивного действия Системы на личность, в которой она необратимо теряет свое «Я». Можно утверждать, что книга «Записки из подполья» и глава последнего романа Достоевского («Великий Инквизитор») являлись метафизическим источником для появления ключевой философской работы Г.Маркузе «Одномерный человек».

Попытаемся рассмотреть книгу немецкого автора в контексте философского диалога с Ф.Достоевским.

Значительно раньше Г.Маркузе русский писатель сформулировал идеологию «великого отказа» в произведении «Записки из подполья». В своей книге немецкий философ упрекает сторонников марксизма в том, что рабочий класс утратил свою революционность, он интегрирован в Систему и не может считаться даже потенциальным носителем «революционного сознания». Из «могильщика старого общества» пролетариат превращается в базовую опору репрессивной Системы, которая ассимилировала его, подавила его антагонистичность. На Западе это произошло за счет ограбления других стран, которые были включены в периферию мировой капиталистической системы, за последние 100 лет уровень благосостояния рабочих в «золотом миллиарде» значительно возрос, им уже есть что терять помимо «своих цепей». Произошло размывание самой структуры пролетариата, сфера услуг вытесняет сферу реального сектора экономики, что привело к частичному «исчезновению» рабочих как класса: «В середине 90-х годов доля отраслей сферы услуг в структуре произведенного ВВП составляла в США 73,7%, во Франции – 66,8%, Италии – 64,3%, Англии – 62,6%» [11]. Но, главное, произошло то, что по объективным обстоятельствам не было учтено К.Марксом: вследствие бурного развития НТП у «властителей мира» появилась возможность тотального контроля сознания масс, возможность для формирования контрреволюционного сознания, подавления любых деструктивных идей, разрушающих Систему. Например, в качестве идеи-вируса может выступать концепция «всеобщих ценностей» или идея «общего мотивационного коридора». Практически любой «одномерный человек» стремится к максимальному удовлетворению своих потребительских запросов, «идея максимальной сытости» в равной степени поразила «одномерный социум». В своей книге Г.Маркузе пишет: «Если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если макияж секретарши не менее эффектен, чем у дочери ее начальника, если негр водит «кадиллак» и все они читают одни и те же газеты, то это **уподобление** указывает не на исчезновение классов, а на степень усвоения основным населением тех потребностей и способов их

удовлетворения, которые служат **сохранению Истеблишмента**»[9. С.297].

В этом смысле К.Маркс не предлагает ничего нового, в его учении нет надэкономической метафизики, отстаивается лишь равное перераспределение собственности, немецкий мыслитель желает сделать из рабочего уменьшенную копию «буржуа». Социализм не уничтожает мещанства, а всех делает мещанами. У пролетариата изъяли альтернативу, сделав его базовой опорой той Системы, которую он якобы должен сокрушить. Дух филистерства в равной степени постигнут и привилегированными классами, и рабочими. Исходя из логики наших рассуждений, буржуазность можно позиционировать не как экономико-социологическое явление, а как явление духовное. В этом смысле Ф.Достоевский и Г.Маркузе констатировали факт поклонения массового человека «ротшильдовской идее», идеалу мамонизма. Пролетариат может быть также буржуазен, как и любой другой класс. Затруднительным кажется сам отказ от этого мамонистического общественного идеала, которого стремятся достичь все индивиды «одномерного общества», вне зависимости от своего социального положения в нем.

Кто, по мнению Г.Маркузе, может противостоять разрушительному действию «вируса потребления»? Пролетариат, приняв это искушение «строителей мира», похоже, потерпел историческое поражение, он лишается права быть гегемоном революции. Ответ Г.Маркузе парадоксален: Систему способен сокрушить не пролетариат, а молодые интеллектуалы и деклассированные слои общества, этнические меньшинства, которые менее всего интегрированы в современный социум, а потому их сознание менее, чем сознание других социальных слоев общества, заражено «одномерностью», подвержено действию манипуляции. Они наносят утонченному диктату Системы удар снаружи, так как сами не интегрированы в нее. В этом смысле они антистереотипны, превосходят серую конформистскую массу своим пассионарным накалом, для них «одномерный социум» антиаксиологичен, лишен «ореола святости», а следовательно, подвержен различным изменениям и пластичен.

Поэтому на современном этапе революционную альтернативистику можно искать не только у К.Маркса, который блестяще описал системные кризисы капитализма, но и у Ф.Достоевского. Обоснуем наш тезис. Еще в 1864 году в своей книге «Записки из подполья» он сформулировал идею «великого отказа», которую ровно через 100 лет лишь детализировал в своей работе «Одномерный человек» Г.Маркузе.

В произведении Ф.Достоевского перед нами предстает именно деклассированный интеллеktуал, презираемый социумом, выкинутый за рамки Системы: «Очевидно, меня считали чем-то вроде самой обыкновенной мухи. Так не третировали меня даже в школе, хотя все меня там ненавидели. Я, конечно, понимал, что они должны были презирать меня теперь за неуспех моей служебной карьеры и за то, что я уж очень опустился, ходил в дурном платье и проч. – что в их глазах составляло вывеску моей неспособности и мелкого значения»[5.Т.4.421]. Подпольный человек Ф.Достоевского в отличие от социализированных членов общества ставит вопрос о целесообразности самого «социума потребления», он не хочет принимать правила игры, которые предлагает ему Система. Ф.Достоевский в своем творчестве сформировал абсолютно специфического для буржуазного социума индивида, который не стремится занять высокое социальное положение либо нажить миллионы. Даже когда в романах мыслителя появляются личности с подобными характерными чертами, они всячески дискредитируются самим писателем. Ф.Достоевский – это не апологет «общества потребления», творчество мыслителя пронизано антибуржуазным духом свободы, русский писатель выступает против рабства человека у мира вещей. С.Цвейг, исследуя романы Ф.Достоевского, писал: «У Диккенса целью всех стремлений будет миловидный коттедж на лоне природы с веселой толпой детей, у Бальзака – замок с титулом пэра и миллионами. И если мы оглянемся вокруг, на улицах и лавках, в низких комнатах и светлых залах – чего хотят там люди? Быть счастливыми, довольными, богатыми, могущественными. Кто из героев Достоевского стремится к этому? Никто. Ни один. Они нигде

не хотят остановиться – даже в счастье. Они всегда стремятся дальше. **Они ничего не требуют от этого мира**»[14.Т.7.С.121].

Ф.Достоевский понимал, что не каждая личность способна противостоять обществу, большинство индивидов предпочитает занимать конформистскую позицию, особо не задумываясь над теми стереотипами и эталонами, которые навязывают им извне. Стереотипы потребления, гонка за привилегированным положением – это все, что может предложить человеку цивилизация. Личность не должна иметь времени для анализа собственного трагического положения в рамках репрессивной Системы, для этого существует обширный сегмент всевозможных развлечений, целая индустрия массовой культуры, пошлые юмористические передачи, телесериалы как своеобразный «наркоз отвлечения».

Главный герой «Записок из подполья» недоумевает по поводу того, что люди не способны задуматься над альтернативной картиной социума, изменением собственного «одномерного» сознания, их не пугает ужасный лик современной репрессивной цивилизации. Людей, не имеющих «комплекса Наполеона», не думающих об уровне банковского счета, не желающих делать карьеру, почитают за сумасшедших. «Ведь ваши выгоды – это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее и так далее: так что человек, который бы, например, **явно и зазнамо пошел против всего реестра**, – рассуждает подпольный человек, – был бы, по-вашему, ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, так ли?»[5.Т.4.С.466]. Пойти «против всего реестра» – это означает предельно революционизировать свое сознание, отказ быть «фортепьянной клавишей» в игре «властителей мира».

Как и у Ф.Достоевского, у Г.Маркузе социальной революции должны предшествовать «революция сознания человека», его «великий отказ» участвовать в игре буржуазного «общества потребления», отказ признавать своими те потребности, которое индустриальное общество навязывает всем. Отказ от одномерного сознания, которое формируется средствами массовой дезинформации, от тех норм господствующей морали, которые интегрируют людей в это общество; индивидуальный бунт каждого,

кто разгадал коварный, прикрываемый «демократическими правилами игры» механизм тотального господства. Человек волен выбирать: либо отказаться от всеобщих «правил игры», либо стать рабом. Иначе говоря, используя социальный архетип психики человека, тоталитарный диктат предлагает ему альтернативу быть внушаемым, конформным, не претендовать на самостоятельность мышления, т.е. перевоплотиться в «счастливого младенца». За это «безличности» разрешают удовлетворить некоторые потребительские запросы, своеобразный базис (низшая ступень) пирамиды А.Маслоу. Всем тем, кто сопротивляется детерминирующему влиянию диктата, он предлагает две альтернативы: разрушение личности (моральная дискредитация), либо уход из социума, своеобразная маргинализация контрдиктатной личности.

Социум как бы говорит человеку: будь таким же, как и все мы, не выделяйся, не претендуй на самостоятельность, не пытайся выйти за пределы радиуса Системы. Человеку предлагают своеобразные «шаблоны поведения», удачно утилизирующие деструктивные порывы личности, которые могут быть опасны для цивилизации. Ф.Достоевский в своем творчестве предвосхитил появление нового человека – homo-чрево, в сознании которого всевозможное потребление материальных благ является первостепенным. В основе этой модели – апелляция не к нравственно-духовному (морально ответственное и трезво-рациональное «я»), а наоборот: к «эстетическо-чувственному» и даже более того «брутально-телесному» началу человека; это начало нельзя назвать личным, индивидуальным: оно скорее безлично, анонимно – это фрейдовское «оно», влекущееся к максимуму наслаждений в единицу времени. Ибо только оно, это телесно-чувственное, вожделеющее страстное начало может быть истинной субстанцией самодовлеющего влечения к удовольствиям (удовольствиям – любой ценой, во что бы то ни стало), поскольку все привходящие соображения – будь то нравственного или практически-рационального характера – могли лишь воспрепятствовать наслаждению. Если первая, буржуазно-протестантская модель отдает все свои предпочтения активно-

волевым и морально-разумным качествам человеческой личности, то вторая, гедонистически-потребительская модель берет человека на том, где он уже не является личностью, отвечающей за себя и поступающей, как говорится, в здравом уме и трезвой памяти: в рамках этой модели он столь же безличен сколь и безответственен: здесь он одержим страстями (делающими его невменяемым точно так же, как согласно средневековому воззрению, утрачивал свое «я» человек, одержимый дьяволом, что, впрочем, не освобождало его от ответственности). Таким и хотел бы видеть человека «евнух промышленности», поскольку тогда он и в самом деле был в полной его власти»[3].

В контексте наших рассуждений, актуально звучит фраза Великого Инквизитора из романа «Братья Карамазовы»: «Никакая наука не даст нам хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: “Лучше поработите нас, но накормите нас”. Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы»[4.Т.9.С.404]. Свобода никчемна, если существует возможность безграничного потребления материальных благ. Общество потребления изымает всякую идеальную мотивацию из сферы общественного сознания. Современный человек думает лишь о материальном, которое можно ощутить, приобщить к себе, овеществить, сфера духа находится вне его сознания. Сам исторический прогресс был возможен благодаря идеальной мотивации, смене идеологий. Но сейчас мы можем констатировать «смерть идеологий», нужно было уничтожить все мобилизующее, необходимо было воплотить некоторые идеи постмодернистов о всеобщем покое, именно для этого было создано общество потребления, в котором будет много сытых и довольных людей, но этот социум будет состоять из поработанных индивидов. Эти люди никогда не согласятся поменять общество потребления на альтернативный социум, сознание личности позднесовременной эпохи поработано вещественной сферой: «Аппарат производства и производимые им товары и услуги продают или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства

массовой информации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей посредством доставляемого им большего или меньшего удовольствия к производителям и через этих последних – к целому. Продукты обладают внушающей и манипулирующей силой; они распространяют ложное сознание, снабженное иммунитетом против собственной ложности. <...> Как следствие, возникает модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившейся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума»[8.С.275]. Именно об этой опасности подлинного порабощения личности предупреждал нас Ф.Достоевский в своем романе.

Таким образом, идеологема «великого отказа», вероятно, впервые прозвучала не у Г.Маркузе и других представителей Франкфуртской школы, а у русского писателя.

После выхода в свет книги Г.Маркузе об одномерном обществе, она стала крайне популярной, причем не только у профессиональных политологов и обществоведов, но и в леворадикальной студенческой среде как в США, так и в Европе. Марио Савио, Руди Дучке, Ульрика Майнхоф заявляли, что являются последователями Г.Маркузе. В книге «Одномерный человек» философ советует молодым радикалам, не опираться на массовые процессы, которые воспроизводит само это общество в качестве своих собственных антагонизмов и противоречивых тенденций, а на социоэтнические процессы, происходящие на периферии общества или даже за его пределами, невзирая на то, что они не имеют массового характера. Иначе говоря, смена Системы по Г.Маркузе понимается здесь с самого начала как результат давления «некоторой внешней силы» на конформистскую массу, которая не желает никаких перемен, но которую необходимо осчастливить, спровоцировав на бунт, хотя бы и вопреки их воле. Отсюда – элитарные программные и

политические установки на революцию, проводимую для народа, но против него, поскольку он де не понимает своего же блага в силу своей неодолимой одномерности [3]. Несмотря на критику К.Маркса, Г.Маркузе вполне согласен с тезисом первого, что задача по освобождению личности от пут Системы во многом зависит от активности самих поработанных социумом индивидов. К.Маркс настаивал на том, что не критика, а именно революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории. Критически недостаточно одного осознания личностью своего сублимированного рабского положения в «одномерном социуме», это лишь первый шаг к свободе, необходима практическая деятельность по демонтажу репрессивного общества: «Ибо очевидно, что никакая идея не может вывести за пределы существующих о спектакле идей. Чтобы действительно разрушить общество спектакля, необходимы люди, которые бы задействовали какую-то практическую силу. Критическая теория спектакля является истинной, лишь объединяясь с практическим движением отрицания в обществе, а отрицание – возобновление борьбы революционного класса»[4.С.108].

Значительно раньше Г.Маркузе Ф.Достоевский в своих произведениях вскрыл сущность «террористического сознания», в данном смысле мы можем указать на Раскольников и подпольного человека. Главные герои «Преступления и наказания» и «Записок из подполья» отчуждены от репрессивной Системы, презируют всеобщие моральные ценности, социум выбросил их на обочину, герои произведений писателя не социализированы и антистереотипны. Именно об этом феномене асоциального поведения писал и Г.Маркузе, согласно его доктрине молодые интеллектуалы, выброшенные за рамки Системы, не желают быть интегрированы в современный «одномерный социум». Репрессивное действие порождает аналогичное репрессивное противодействие, следствием этого является метафизическое уничтожение всеобщих моральных ценностей и норм, они определяются теперь не социологически, а субъективно-индивидуалистически. В этом смысле и Раскольников, и подпольный парадоксалист

Ф.Достоевского являются носителями «маркузианского сознания»: «Они пренебрегают командами рассудка, жаждут абсолютной свободы, которую толкуют как стихийный разгул безумного своеволия, видят в всеобщих нормах механизм насилия над собственной сущностью, ценят хаос и выступают как его олицетворение» [12. С.235]. Только психологически Г.Маркузе прав: изменение социальной системы невозможно без подрыва ее моральных ценностей и общеобязательных правил поведения индивидов. В широком смысле любое преступное поведение можно назвать отчужденным, поскольку оно свидетельствует о неприятии виновным ценностей и норм, установленных обществом. Оно является и отчуждающим, так как способствует изоляции преступника от среды, причем не только от ее формальных структур, например трудовых коллективов, но и от неформальных малых групп и их ценностей. Если проанализировать индивидуальные биографии преступников, то окажется, что их уголовно наказуемым поступкам обычно предшествовало совершение мелких правонарушений и аморальных действий, свидетельствующих об их отчуждении. Повторное преступное поведение усугубляет, изоляцию, расширяет дистанцию между субъектом и обществом. Но Ф.Достоевский в отличие от Г.Маркузе боялся уничтожения всеобщих моральных норм, в последнем романе писателя звучит очень мудрая фраза: «Если Бога нет, то все дозволено». Русский мыслитель настаивает на том, что всеобщие моральные ценности во многом сформированы православием, в отличие от Г.Маркузе, Ф.Достоевский боялся уничтожения общеобязательных моральных норм: «Причина подполья - уничтожение веры в общие правила «Нет ничего святого» [5. Т.14. С101].

Данная проблема погружает нас в тему «террористического сознания» в романе «Преступление и наказание». Именно Раскольников совершит этот маркузианский индивидуалистический бунт против общественной морали, против основ «одномерного социума», он не желает ждать, пока люди достигнут осознания своего рабского положения в рамках Системы: «Нет, мне жизнь однажды дается, и никогда ее больше не будет: я не хочу дожидаться

"всеобщего счастья". Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить. Что ж? Я только не захотел проходить мимо голодной матери, зажимая в кармане свой рубль, в ожидании "всеобщего счастья". "Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье и оттого ощущаю спокойствие сердца". Ха-ха!»[5.Т.6.С.298].

Но самое радикальное отличие Ф.Достоевского от Г.Маркузе и его последователей заключается в том, что человек для русского писателя вне зависимости от своего классового происхождения есть высшая цель, но не средство. Мысль Г.Маркузе в том, что Система репрессивного информационного воздействия на социум должна получить адекватный отпор, репрессивное действие порождает антирепрессивное противодействие. Но для последователей Г.Маркузе, в отличие от последователей Ф.Достоевского, исчезает человек, живая личность. В результате данного метафизического обесценивания утрачивается само понятие преступление, противоборствующие классы взаимно теряют свой человеческий облик. Данная проблема крайне остро поставлена в романе «Преступление и наказание». Обратим внимание на то, что Раскольников называет старуху-процентщицу «жалкой вошью»: « – Преступление? Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем и смывать его не думаю»[5.Т.6.С.245]. Трудно убить человека, живую личность, но то, что уже утратило человеческий образ, убить гораздо легче. Использование расчеловечивающих категорий направлено на то, чтобы подавить чувство общности с другими индивидами, подобную методологию достаточно часто использовали национал-социалисты: «То же самое делал Гитлер, когда обозначал политических противников словом «*untermenschen*» (низшие, люди второго сорта)»[13.С.155].

Абсолютно по-другому рассуждает Ф.Достоевский. Даже в самые тяжелые годы, проведенные на каторге, писатель не утратил веру в человека, который есть образ и подобие Бога. В самом

жестоком преступнике есть этот лик, его надо только уловить, попытаться разглядеть. Напомним, что Ф.Достоевский отбывал наказание вместе с откровенными уголовниками, о «высокой» морали которых, разумеется, не приходится говорить. Убийцы, насильники, воры – это основное окружение писателя в годы, проведенные на каторге. Но и в этих «падших» людях Ф.Достоевский смог разглядеть не только жестоких убийц: «В остроге было иногда так, что знаешь человека несколько лет и думаешь про него, что зверь, а не человек, презираешь его. И вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое понимание и собственного и чужого страдания, что у вас как бы глаза открываются» [5.Т.5.С.290]. Трагедия маркузианского сознания в том, что после индивидуалистического бунта против Системы, невозможно потом остановить цепную реакцию насилия в обществе, и Ф.Достоевский в своем творчестве предупреждает нас об этой опасности уничтожения всеобщих моральных норм, данное предупреждение звучит в его романах «Преступление и наказание», «Бесы», «Записки из подполья». В этом русский писатель радикальнейшим образом отличается от Г.Маркузе. Но в чем их единство? Это единство заключается в вопросе о свободе.

Рассмотрим другую параллель между мыслителями. В отличие от Ф.Достоевского, К.Маркс не мог предположить, что наука из этически нейтрального феномена, формирующего социальный прогресс, станет мощнейшей силой господства, эффективным средством репрессивной политики. Ныне она не только производительная сила, а один из эффективных инструментов манипуляции сознанием. Нужно сказать, что примерно за 90 лет до Г.Маркузе Ф.Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы» предупредил человечество о подобной опасности.

Разберем «модель манипуляции», которую рассмотрел Ф.Достоевский. Главный принцип любых манипулятивных действий – это их незаметность для окружающих. Жертва манипуляции и не подозревает, что ее изначально лишили свободы личностного выбора. Человека теперь не принуждают, используя грубое насилие,

а перепрограммируют, задают алгоритмы поведения и действий извне. Грубое физическое насилие вызывает у подавляемой личности озлобленность и недовольство, насилие же в виде «духовного наркотика» – приятно. В современных условиях диктат принимает утонченно-психологическую форму. Это уже не диктатура устрашения, которая стремится вернуть контрдиктатную личность к сублимированному рабскому состоянию. Должное для стабильности Системы поведение личности достигается не действием репрессивного аппарата, а гораздо более тонкими технологиями. В социуме господствует «счастливое сознание», когда мысли о смене Системы просто не посещают личность. Эта методология является условием перманентной стабильности элементов Системы: «Безусловно, остаются юридические и государственные системы табу и сопутствующая им пенитенциарная система, остаются военные и полицейские, государственный аппарат, но их отправления, сопровождаемые жестокостью, совершаются не декларативно, открыто, с акцентом на фактор устрашения, введения негативных контрмотиваций в сознание (подсознание) производителей, а лишь подавлением, уничтожением тех индивидов этого слоя, которые нечувствительны, иммунны к кардинальному интроспективному компоненту подавления» [7.С.45].

Совершается диалектический переход от жестких форм контроля к мягким формам, таким как манипуляция сознанием.

Манипуляция сама по себе способна давать «наркотический эффект» отключения от окружающего мира и погружения в «мир иной». Но уже не с целью восстановления сил, а напротив – имея следствием подрыв сил, разложение общества, ускорение происходящих в нем негативных, катастрофических процессов. Об этой изуверской хитрости манипуляторов писал И.Ильин: «И вот, довести человека до этого самопредания, до несопротивления, до покорности, до наслаждения злом и преданности ему бывает гораздо легче не физическим насилием, а другими, более мягкими средствами; мало того, именно физическое насилие ведет нередко к обратному результату: к очищению души, укреплению и закалению духовной воли. Зло гораздо легче входит в душу, **прокрадываясь и**

увлекаая, чем насилуя и ломая; для него бывает целесообразнее надеть личину, чем сразу обнаружить свою отвратительность» [б.С.73]. Жертва манипуляции и не замечает, что уже не принадлежит себе, ее проживают иные темные силы.

Манипулятивные технологии используются во всех сферах современного общества, начиная с банальной рекламы, способствующей продвижению какого-либо бренда в рыночной среде и заканчивая политическими технологиями, способствующими продвижению целых партий или отдельных личностей в высшие эшелоны власти. В политических выборах, например, утрачивается сама возможность независимого выбора человека. Миллиарды людей через средства массовой информации получают «духовный наркотик», их воля и здравый смысл поражены, что приводит к «сну разума». Телевидение создает искаженную виртуальную реальность, своеобразный симулякр: «Однако именно на этом уровне и функционируют средства массовой информации. **Использование гипноза** – это принцип их действия, и, руководствуясь им, они оказываются источником специфического **массированного насилия** – насилия над смыслом, насилия, отрицающего коммуникацию, основанную на смысле» [2.С.208-209].

В экзистенциальной традиции эту опасность для личности ярко выразил М.Хайдеггер, а до него – Ф.Достоевский. Человек не только отчужден от других людей, но и от себя самого, от своего собственного настоящего «Я». Анализируя различные формы осуществления диктата, немецкий философ констатировал победу царства Среднего в социуме, именно данная победа всеобщих и общеобязательных эталонов вызывает утрату собственной самости современной личностью. В рамках социума она необратимо теряет свое Я, которое активно формируют акторы манипуляции. В этом процессе происходит отчуждение индивидуальности человека: «Здесьбытие всегда уже есть здесьбытие отпавшее от себя самого как от настоящего, в собственном смысле, множественности быть самим собою и всегда уже есть попавшее и пропавшее в мир, пре-данное, обреченное миру. Обреченность миру подразумевает растворение в совместном бытии»[14.С.259]. Осуществляется раскол человеческого

сознания, сама личность не может найти в своем мировоззренческом ядре элементы, которые принадлежат именно ей, современную личность проживают другие. Мы можем утверждать, что через воздействие СМИ происходит искусственная шизофренизация общественного сознания, расщепление единого Я личности на несколько разрозненных, а иногда противопоставленных друг другу частей. Современный человек вынужден носить маски, которые предлагает ему Система. Таким образом, он становится конформным, готовым внутренне принять репрессивный социум как единственно возможный. У современного homo-капиталистичесуса появилось тысяча разнообразных масок, которые он ситуационно меняет в зависимости от экзистенциального выбора, но противоречие заключается в том, что данный судьбоносный выбор делает не сама личность, а внешние по отношению к ней «агенты влияния». Личность с расколотым Я, которое сформировано акторами манипуляции испытывает трагическое одиночество, заброшенность, изоляцию от реального мира. Одномерный человек попадает в бездну симулякризации его бытия. Личность позднесовременного общества можно сравнить с механическим автоматом, утратившим все человеческое в себе.

Свобода современного индивида есть мнимая свобода. Личность убеждена в том, что никакая сила в мире не способна подтолкнуть ее к тому или иному экзистенциальному выбору. Но это лишь иллюзия сознания современного человека. Массовое общество тщательно контролируется, детально разработаны методы управления целыми народами. Свобода современного человека – миф, ничего общего не имеющий с реальностью. Актуально как никогда в свете теории манипуляции сознанием звучат слова Великого Инквизитора в романе Ф.Достоевского, который говорит Христу: «Но знай, что теперь и именно ныне **эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне**, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим»[5.Т.9.С.284]. В отличие от К.Маркса, Ф.Достоевский, а затем и Г.Маркузе, предупреждают о появлении **новых форм рабства**, при которых жертва не чувствует себя поработенной. Нет уже тех невыносимых,

античеловеческих условий существования рабочего в западном мире, которые немецкий экономист описывал в своем «Капитале». Современный западный пролетариат, как базовая опора Системы, вполне респектабелен. Но это не значит, что он свободен, способен оказывать влияние на решения по вопросам жизни и смерти, личной и национальной безопасности, может проектировать свое будущее. В эти сферы ему нет доступа. Буквально вторя Ф.Достоевскому, Г.Маркузе пишет: «Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами, ибо рабство определяется не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи. Это и есть **чистая форма рабства**: существование в качестве инструмента, вещи. И то, что вещь одушевлена и сама выбирает свою материальную и интеллектуальную пищу, **то, что она не чувствует себя вещью**, то, что она привлекательна и подвижна, не отменяет сути такого способа существования»[9.С.309].

В романе Ф.Достоевского Алексей Карамазов заявляет, что такой циничный план по внутреннему порабощению человека мог быть разработан только масонами. Создана скрытая от глаз человечества могущественная организация, которая правит миром, выбирая различные методы воздействия. Появилась своеобразная интеллектуальная элитарная структура, которая рассматривает остальное человечество в качестве «неразумных детей».

В своем фундаментальном исследовании деформирующей идеологии индустриального общества, которое тотально господствует над личностью, Г.Маркузе отметил, что индивид через средства манипуляции и систему образования утрачивает чувство реальности. Речь идет именно о миллиардах «счастливых младенцев», о которых писал в своем романе Ф.Достоевский: «Индивид не знает, что происходит в действительности; сверхмощная машина образования и развлечения объединяет его вместе со всеми другими **в состоянии анестезии**, из которого исключаются все вредоносные идеи. И поскольку знание всей истины вряд ли способствует счастью, именно такая **общая**

анестезия делает индивида счастливым»[9.С.90]. Мысли Ф.Достоевского и Г.Маркузе в данном контексте поразительно схожи. Для эффективного применения манипуляции сознанием необходимо, чтобы часть людей была к ней не восприимчива, элитарная группа манипуляторов должна иметь совершенно иную интеллектуальную подготовку, набор скрытых знаний, чем основная часть социума. В романе Ф.Достоевского Великий Инквизитор говорит Христу: «И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только будем несчастны. **Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла»**[5.Т.9.С.284]. Как происходит инфантилизация сознания человечества? Как превратить личность в «счастливого младенца»? Вопрос в первую очередь касается качества образования. Школа разделяется на два коридора. Образование классического университетского типа – удел элиты (хранящих тайну управления), именно в закрытых для неплатежеспособного большинства учебных заведениях элитой усваиваются все приемы тотального господства. Изгойское большинство, напротив, получает массовое (урезанное) образование, иногда его лишают права и на это. Именно благодаря этой технологии создается социум «счастливых младенцев». Отсутствие критического мышления, которое в идеале должны сформировать в учебных заведениях разного уровня – это залог устойчивости любой сложной социальной Системы. Реализация этого амбициозного проекта возможна через изменение образовательных систем. У большинства жителей планеты должен быть сформирован «калейдоскопический идиотизм», когда вместо полной и четкой картины мира, формируется урезанное мировоззрение-калейдоскоп. Таким людям кажется, что все случайно, кругом только хаос бессмысленных явлений, а в их мышлении демонтированы причинно-следственные связи, их мировоззрение подобно воску, из которого любой манипулятор сможет вылепить все, что пожелает. В своей книге Г.Маркузе пишет: «Им («счастливым младенцам» – А.Л.) доступны лишь некоторые стороны и сегменты фактов, которые, будучи принимаемыми за

целое, лишают описание его объективного, эмпирического характера» [9,С.290]. Неполнота знаний, а иногда их отсутствие, не позволяет правильно ориентироваться в мире, в головах миллиардов людей искусственно создается хаос. Однако в идеале необходимо формировать не калейдоскопическое, а мозаичное мировоззрение. Мировоззрение, которое формируется на основе всей полноты знаний о мире, где знания занимают свою нишу, а не располагаются хаосообразно, внесистемно, все они систематизированы и структурированы: «Мозаика. Здесь цветные «камешки» (знания, явления, факты, события) укладываются в мозаичное полотно. Все взаимообусловлено и взаимозависимо. Никакого хаоса нет. Мир един и целостен и все процессы в нем упорядочены определенным образом. Мозаичное мировоззрение формирует целостную картину» [10,С.104]. Именно человеком с таким мировоззрением трудно манипулировать, но это означает определенный разрыв с парадигмой репрессивной Системы. Сотни тысяч страдальцев не допустят утраты своей монополии на знания по управлению человечеством, если произойдет разгерметизация данного «закрытого знания», то теоретически возможен подрыв легитимности самой Системы с непредсказуемым для элиты эффектом. Полная и четкая картина мира, сформированная на основе всех знаний, может привести личность к осознанию своего рабского положения, именно поэтому миллиардам «счастливых младенцев» необходимо сформировать урезанное мировоззрение-калейдоскоп: «И в силу этой ограниченности – этого **методологического запрета** на транзитивные понятия, которые могут показать факты в их истинном свете и дать им истинное имя – описательный анализ фактов препятствует схватыванию фактов и становится элементом идеологии, их охраняющей» [9,С.302].

В рамках индустриальной цивилизации формируется Система всеобщего контроля и подчинения. Все идеи, делегитимизирующие репрессивный социум, подавляются. Именно свобода совести личности может дестабилизировать общество, настала эпоха жесточайшего «духовного тоталитаризма», в которой личность через систему образования и манипуляцию сознанием теряет чувство

реальности. Возвращение личности к реальному, а не виртуальному крайне опасно, для этого необходимо сформировать социум «счастливых младенцев». В своем романе Ф.Достоевский пишет: «У нас все будут счастливы и не будут более бунтовать и истреблять друг друга, как в свободе твоей повсеместно. О, мы убедим их, что они только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [5.Т.9.С.287]. При чтении книги Г.Маркузе иногда кажется, что она лишь детализированное подобие двух произведений русского писателя – столь поразительно схожи идеи мыслителей.

Подведем некоторые итоги. Общеизвестен пророческий пафос литературного наследия Ф.Достоевского, многие его прогнозы воплотились в XX веке. Будущее человека виделось мыслителем в трагических тонах, в данном контексте роман «Братья Карамазовы» можно рассматривать многомерно. С одной стороны, как предупреждение об опасности тоталитарно-диктатных идеологий, когда человек необратимо теряет себя, с другой – как предостережение об опасности узурпации свободы совести, когда личность становится «сублимированным рабом». Образ человека будущего в творчестве писателя предстает в виде «революционера духа», уже осознавшего всю тяжесть духовного угнетения в рамках репрессивного социума. В исследовании мы показали, что идеи Г.Маркузе и Ф.Достоевского во многом идентичны. Но немецкий мыслитель выступает как политолог-практик, описав «скрытую диктатуру» позднесовременного общества, он дает человеку будущего ключ к своему потенциальному освобождению. Образ личности будущего в историческом наследии мыслителей предстает в виде человека, осознавшего большинство диктатных форм Системы, данный факт заставляет нас достаточно оптимистически смотреть на будущее всего человечества.

Литература:

1.Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон, 1999.

2. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007.
3. Давыдов Ю.Н. Эволюция социальной философии Франкфуртской школы // Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М.: Наука, 1978.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1988-1996
6. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005.
7. Кайтуков В.М. Эволюция диктата. М.: Наука, 1994.
8. Лесевицкий А.В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф.М. Достоевского. Пермь, 2011.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003.
10. Петров К.П. Тайны управления человечеством или тайны глобализации. М.: Академия управления, 2008.
11. Прудский В.Г. Теоретические и методологические основы преодоления исторического отставания России на пути перехода к постиндустриальному обществу // Новые идеи в философии, 2009. Вып.18.
12. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания. Пермь, 2008.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Мн.: Попурри, 1999.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
15. Цвейг С. Собрание сочинений в 12 томах. Л.: Кооперативное изд. «Время», 1928-1932.